

Андрей Фролов Купе № 7

<http://www.all-ebooks.com>

«Городская фэнтези-2010»: Эксмо; М.; 2010

ISBN 978-5-699-39844-7

Аннотация

Антон Туманов очень любил поезда. Вот и сегодня он в радостном предвкушении пришел на платформу, чтобы отправиться в командировку из Новосибирска в Абакан. Зашел в вагон, нашел свое место в купе и лег спать. Проснулся через несколько часов и обнаружил, что поезд стоит на каком-то темном полустанке. Вагон закрыт и пуст, а из соседнего купе появляется странная девушка...

Андрей Фролов Купе № 7

— Да, конечно. Разумеется...

Антон замедлил шаг, откровенно недовольным взглядом провожая людей, спешащих к плацкартным вагонам. Поодиночке и по двое, те ломились к поезду, словно торопились на проходящий, где удобные места занимают только быстроногие счастливики. По асфальту перрона громыхали колеса тележек.

— Нет, не помню точно, кажется, где-то в шесть утра... Да, разница у нас в час, в пять по новосибирскому. Конечно, перезвоню. — Зажав мобильный телефон между щекой и

плечом, он вынул из внутреннего кармана куртки паспорт и сложенный вдвое билет. — Все, уже сажусь, созвонимся позже. Хорошо, пока.

Неуклюже перехватив паспорт левой рукой, при этом едва не уронив сумку с вещами и ноутбуком, он выключил телефон и спрятал в поясной чехол. Улыбаясь проводнице, протянул паспорт, раскрывая на странице с фотографией. С желтого разворота на работника российских железных дорог взглянул хмурый молодой человек. Антон Туманов, восемьдесят третьего года выпуска, сходство с фотографией практически полное, не то что у некоторых. Проводник, симпатичная женщина лет сорока, машинально улыбнулась в ответ, принимая документы и раскрывая билет.

В морозном ночном воздухе вились легкие облачка пара, вылетающие при дыхании. Наблюдая, как проводница вчитывается в цифры, Антон поймал себя на мысли, что возбуждение, охватывающее его перед любой поездкой, становится все сильнее. А еще подумал, что симпатичные молодые проводницы, должно быть, существуют только в неприличных фильмах Для взрослых. Хорошего дизайнера часто отправляют в командировку, но за годы поездок по стране Туманов так и не встретил хорошенькой юной проводницы. Размышляя об этом, он скрыл невольную улыбку.

Неторопливо сверив данные, проводница ловким движением отклеила вторую страницу билета, надрывая золоченый штамп РЖД в верхнем левом углу.

— Вы сразу гасите? — Антон наблюдал за ее пальцами. Забрал протянутый билет, убирая в карман.

— Народу-то нет, — рассудительно пояснила проводница, сделав небрежный жест. — Пустой вагон, считай. Только после Ачинска подсаживаться начнут...

Перрон и правда был пуст, если не считать двоих стражей порядка у подъема на пешеходный мост и редющего ручейка пассажиров, торопящихся к плацкартным вагонам.

— Тринадцатое место в каком купе?

— Там на дверях написано все, — безразлично ответила женщина, бросив взгляд на цифровые часы, установленные за спиной Туманова. — Заходите, через две минуты отправляемся.

— Спасибо, Алла Сергеевна, — без улыбки ответил он, прочитав пластиковый бейдж, прикрепленный к суконному лацкану ее темно-синей формы.

Перехватив сумку, Антон ухватился за желтый поручень и шагнул на высокие металлические ступени, поднимаясь в поезд. Над лестницей работали два светильника, по форме напоминавшие гротескные чашки женского лифчика, и Антон во второй раз едва сдержал улыбку.

Уютное тепло вагона встретило его сразу, как только он закрыл за собой дверь в тамбур, отрезая доступ пронзительному октябрьскому воздуху. Держа сумку перед собой, он миновал короткий коридор, ведущий мимо туалета и купе дежурного к четырехместным комнатам пассажиров. Слева, на стене закрытого купе со странной табличкой «38, 39» под тонким прозрачным пластиком красовались фотографии упаковок «Ментос» и «Меллерс», а также распечатанные на принтере расценки на чай, кофе и минералку. Пузатый титан, как мельком отметил Антон, уже был нагрет.

Вагон порадовал с первого взгляда — современный, чистый, с новенькой ковровой дорожкой, убегающей вдаль. Светлый, почти белый пластик сиял, на окнах виднелись массивные рамы. Узкое электронное табло, висевшее над головой, услужливо подсказывало московское время, температуру в вагоне и его номер. В правой части табло размещался индикатор, указывающий, закрыты ли туалеты. Если табло не обманывало, вагон имел десятый номер и сейчас в нем было плюс 22 по Цельсию, а в Москве почти пробило три ночи.

Ровный ряд закрытых дверей создавал ощущение размеренного уюта и сразу же рождал мысли о дорожной романтике. Пассажиры, в отличие от него прибывшие на посадку заранее, уже закрылись в своих камерах, устраиваясь досматривать сны — неудивительно, если учесть, что поезд стартовал почти в шесть утра.

Задевая плечом шторы на окнах, Антон двинулся вперед, всматриваясь в таблички на стенах. Тринадцатая полка, купе номер четыре. Взявшись за прохладную ручку, Туманов потянул дверь вправо. С характерным металлическим перестуком та подалась, отползая. К его облегчению, три остальных места пустовали, что не могло не радовать. Ехать почти сутки в компании орущих детишек или гадящих в подстеленные памперсы котят — удовольствие сомнительное. Нужная полка оказалась нижней слева, и Антон тут же опустил на нее увесистую сумку. Затем нащупал выключатель, наполнив купе мертвенным, но ярким светом. Оперся руками на застеленный скатеркой столик, выглядывая в окно. Ночной вокзал гудел своей размеренной, дремотной жизнью.

Было слышно, как захлопнулась вагонная дверь и лязгнул замок, но Антон не торопился присаживаться или снимать куртку. С легкой тоской и неожиданной тревогой он смотрел на перрон, освещенные фонарями ларьки со снедью, зеленые мусорные баки. И, словно в ответ на его ожидание, через несколько секунд вагон мягко качнуло. Поезда и электрички, заполняющие десятки путей, киоски и люди на перроне двинулись влево, постепенно набирая скорость. Поезд отправился точно по расписанию.

Незаметно для себя шумно вздохнув, Туманов опустился на свою полку, придвигая сумку. Нужно достать плеер, зубную Щетку, дорожное чтиво. Может быть, еще ноутбук, хотя это Можно сделать и после того, как он наконец выспится.

В проеме появилась Алла Сергеевна, еще шире открывая дверь.

— Нашли свое место? — поинтересовалась она, с вежливой улыбкой протягивая запаянный пакет с постельным бельем.

— Да, спасибо, — кивнул Антон, принимая белье.

— Чай, кофе?

— Нет, спасибо. Может быть, позже.

— Как скажете, — кивнула проводница, удаляясь.

Уставившись на прозрачный мешок, хранящий застиранные простыни, наволочку и полотенце, Антон не торопился вскрывать упаковку. С каждой секундой, ощущая легкую качку и вслушиваясь в стук железных колес, он все более жадно глотал чувство дороги, щемящее, пронзительное, зовущее вперед и вперед, сквозь поистине необъятные просторы.

А еще он думал о том, что, если командировка окажется удачной, он сможет несколько месяцев не работать. Будет предоставлен сам себе, и никакого счета деньгам, никаких копеечных проектов по разработке сайтов или верстке рекламных макетов. Может быть, наконец-то закончит ремонт мотоцикла. Возможно, на пару недель уедет в Шерегеш. А то и вовсе в Таиланд, например, а то даже и на Новый год... Поедет к Славке, в конце концов, и продолжит работу над компьютерной игрой, сроки сдачи которой и так безбожно затянуты. Сделает апгрейд компьютера. Нет, просто купит новый, двудерный, с самой мощной видеокартой — настоящую графическую станцию, которая не состарится еще как минимум пару лет.

А еще цифровую видеокамеру, как давно хотел. Фотоаппарат с мощнейшим разрешением. И новый сотовый, скорее всего коммуникатор... И ноутбук, конечно, новый, тоже самый мощный. И пусть переносной компьютер необходим ему только как инструмент предварительного анализа изображений, недельные командировочные «запои» игры в «Варкрафт» еще никто не отменил...

Кстати, и ремонт сделает в квартире. Разумеется, после того, как рассчитается с долгами за коммунальные услуги. А может быть, имеет смысл старую квартиру и вовсе продать, добавить заработанное и купить новую, пусть даже и в новостройке...

Антон вздрогнул, заставив себя прекратить мечтать. Загадывать — последнее дело, того и гляди сглазишь все к чертям. И пусть дележ шкуры неубитого медведя не был любимым занятием Туманова, вот именно сейчас, на пороге новой работы, этой октябрьской ночью он не мог совладать с собой.

Распечатав пакет, Антон повесил крохотное полотенце на поручень, вынул простыни. Вспомнил, что так и не снял куртку, и отложил белье. Набросив верхнюю одежду на легкую

пластмассовую вешалку, переложил сумку на столик, потянулся к верхней полке, стащил матрас и бесформенную подушку. Мысли, как он ни силился, продолжали скакать вокруг предстоящего заказа, заставляя думать только о хорошем. Например, о дорогих женщинах, ночных клубах и прочей яркой чепухе...

Заталкивая в наволочку набитый перьями мешок, считающийся подушкой, он неожиданно замер, размышляя над тем, что невольно привлекло его внимание. Чувство было схожим с тем, что испытываешь, встретив на улице смутно знакомого человека. Проходишь мимо, силясь вспомнить имя, не без труда вспоминаешь, но, когда оборачиваешься, чтобы окликнуть и поздороваться, тот уже садится в автобус. Вот и сейчас, согнувшись над почти одетой подушкой, Антон размышлял, что именно его заинтересовало. Поезд принялся раскачиваться чуть сильнее, набирая скорость, и Туманову пришлось вытянуть руку, опираясь о край верхней полки.

Выпрямившись, он бросил еще один взгляд на четырнадцатое место, расположенное ровно над его. Еще два свернутых рулетами матраса, подушка — сестра-близняшка выбранной им. И бумажный треугольник, лукаво выглядывающий из-за края лежанки. Листок, завалившийся между полкой и стеной. Мусор, упущенный проводниками при уборке вагона. Едва угадывающиеся на листе яркие линии говорили о том, что это рисунок.

Сбросив правый ботинок, Антон поставил ногу на соседнюю полку, подтягиваясь на руках. Прохладный кожаный, обтягивающий спальное место, приятно коснулся ступни. Отодвинув матрасы, Туманов ухватился за уголок листка, осторожно вытягивая рисунок. Держа лист в руках, спрыгнул в проход, едва не стукнувшись головой, и, не глядя, нащупал босой ногой ботинок. Уселся напротив своей почти застеленной кровати, с легкой улыбкой рассматривая находку.

Рисунок, по горизонтали занимавший почти весь альбомный лист, был детским, обаятельно наивным, простым и теплым. Ребенок, во время длительной поездки уговоривший маму достать из сумки цветные карандаши, явно старался, но вышло все равно коряво до умиления. В правой части листа был нарисован дом — простенький дом с дверкой, ступеньками и неизменной печной трубой. Над дверью даже присутствовал номерок, старательно выведенный детской рукой, — семерка. За домиком виднелся палисад, отгораживающий зрителя от ровных рядов грядок, засеянных морковкой и капустой.

Почему Антон решил, что в этом крохотном огороде растут именно капуста и морковь, он не понял и сам, но невольно улыбнулся догадке. Желтая песчаная дорожка убегала от ступенек крыльца куда-то за край листа. Слева, зеленея пышной кроной, выросло дерево, и Туманов снова улыбнулся, предположив, что это дуб. В левом верхнем углу, почти над ярко-зеленой листвой, по всем законам детского рисунка было изображено солнце — желтое, с множеством черточек-лучиков, рассыпанных в разные стороны. А в самом центре картины, стоя на песчаной дорожке, был нарисован человечек. Улыбающийся до ушей, с непропорционально огромной головой, он был набросан совсем небрежно, отчего казалось, что это Страшила из сказки об Изумрудном городе. Простоватый весельчак, набитый торчащей во все стороны соломой.

Мерное покачивание вагона усыпляло, и Антон отложил рисунок на стол, рядом с сумкой. Встал, продолжил борьбу с непокорной наволочкой. Застелив постель, он еще плотнее прикрыл дверь, щелкнув специальным рычажком, не позволяющим открыть ее снаружи. Посмотрелся в зеркало, укрепленное на внутренней стороне выдвижной створки, пригладил русые волосы. Вынул телефон, сразу же переставил время на час вперед, установил будильник и оставил мобильник на самом краю стола, под подоконником.

Переложив из сумки на личную полочку-гамак книгу и футляр со щеткой, Туманов скинул ботинки и разделся. Привычно сунув под подушку джинсы и легкий свитер, убрал сумку под лежак и погасил свет. Вновь чуть не приложившись головой на очередном рывке состава, заполз под колючее шерстяное одеяло. За окном, едва прикрытым тонкими голубыми шторами, мелькали фонари, наполняя погруженную во тьму комнатку белыми сполохами. Поезд катил вперед, на восток, где Антона ждала новая работа.

Высокооплачиваемая работа.

В голове, подобно вспышкам дорожных фонарей, мельтешили мысли о том, что через пару месяцев все станет хорошо. Лучше некуда. Мечтай — не хочу... С тягучими размышлениями о том, что мечтать иногда бывает очень даже вредно, Туманов ушел в тревожный и шаткий сон пассажира железных дорог.

Люди, которые следят за собственными эмоциями, часто рассказывают, что многое в их жизни происходит под аккомпанемент целой гаммы ощущений. Антон Туманов не относил себя к таким людям. Однако, едва открыв глаза, он мгновенно ощутил легкую тревогу, словно это она и разбудила его, несильно толкнув в бок.

В купе царил сумрак, лишь из освещенного коридора через узкую щель между дверью и косяком пробивался тонкий лучик, да в окно заглядывала то ли луна, то ли очередной фонарь. Облизнув пересохшие губы, Антон постарался понять, что именно послужило причиной его внезапного пробуждения и как долго он вообще спал.

Туманов сел, поправляя сбившееся одеяло. Теперь, даже не выглядывая наружу, он мог с уверенностью назвать причину пробуждения. Поезд стоял на месте. Не было слышно ни перестука колес, ни мерного гудения, не ощущалась качка. Значит, состав прибыл в какой-то городишко. Стоянка от пяти до тридцати минут. Кстати, можно сходить и принести чаю, чтобы на ходу не расплескать, — к утру остынет, можно будет спокойно выпить залпом, как он любил. Потирая глаза ладонями, Антон сладко потянулся. Опираясь о столик, подобрался ближе к окну, отодвинул штору и уперся лбом в толстое холодное стекло.

Светила все-таки именно луна. Пробиваясь сквозь лысые ветки густого тополя, она подмигивала из-за облаков, холодная и пугающая. Почти полная, если познания Туманова в астрономии были верны. Однако и ее скудного света хватало, чтобы понять, что поезд встал не на станции. Значит, решил Антон, они кого-то пропускают, на железной дороге такое сплошь и рядом... За окном раскинулась невзрачная степь с массивами черных лесов вдалеке, а единственным украшением пейзажа служил разлапистый тополь слева да какая-то железнодорожная прилада впереди по ходу движения — то ли механизм для перевода стрелок, то ли выключенный семафор, то ли колонка; двухметровая конструкция смутно белела в темноте, сгорбившись у самого края полотна.

Тревога, неожиданно поселившаяся в груди, постепенно развеивалась, оставляя после себя неприятное послевкусие дурного сна, не осевшего в памяти. Взбив подушку, Антон опять прилег, легко проваливаясь в дрему. Засыпая на этот раз, он успел подумать, какая густая тишина наполняет десятый вагон...

Темнота. Нет, не совсем... Все тот же бедный свет, проникающий через окно, все тот же лучик справа от двери. Антон подтянул колкий плед на грудь, понимая, что на этот раз проснулся от озноба. Какое-то время неподвижно лежал в тишине, разглядывая освещенный зазор между дверью и косяком, и во второй раз пожалел, что не купил в дорогу ничего попить. Конечно, можно было пойти к Алле Сергеевне и купить у нее бутылочку «Бонаквы», но выползть из-под одеяла решительно не хотелось.

Не поворачивая головы, Антон скосил глаза вверх и влево, пытаясь рассмотреть, какая станция на этот раз стала причиной остановки поезда. Неожиданно для себя заметил фрагмент красной надписи, трафаретом выведенной на ручке плотной мембраны над окном: «мещения шторы нажа профиль вни».

И вновь, всматриваясь в гипнотический танец тонких теней, созданных на стекле тополиными ветвями, Туманов ощутил смутное беспокойство. Ему вдруг вспомнились слова, брошенные одним из приятелей на какой-то из вечеринок. Нетрезвый разговор тогда шел о предчувствии, способности видеть будущее и шарлатанах, а друг в свободное время баловался написанием фантастических рассказов, в подобных диспутах чувствуя себя как рыба в воде. Так вот именно тогда тот приятель, подливая себе вина, и шепнул на ухо Антону (предельно серьезно, как это умеют делать только пьяные люди), что зло приходит

на землю, когда ты видишь в окне тени переплетенных ветвей, озаренных светом стареющего месяца.

Невольно нахмурившись, Туманов подобрался к окну, подхватив готовый упасть на пол край одеяла. И нахмурился сильнее. Картина, развернувшаяся за бортом скорого поезда, уже была ему знакома. Тополь. Луна, казалось, не сдвинувшаяся по ночному небосклону ни на сантиметр. Тоший семафор справа. Снова откидываясь на подушку, Антон подумал о тех, кто будет встречать его в Абакане. Если поезд придет с опозданием, он обязан их предупредить...

Протянув руку, он нащупал на краю стола мобильный телефон и активировал дисплей. Вспыхнув ярким холодным светом, электронные часы услужливо подсказали, что сейчас без четверти десять. Если по новосибирскому часовому поясу, то без пятнадцати девять. Это значило, что в пути он находится меньше трех часов. Все еще собираясь с сонными мыслями, Антон вновь взглянул в окно.

Он не помнил точного маршрута поезда, но мог предположить, что тот встал либо сразу после Тайги, либо немного не добравшись до нее. Мысли о возможном опоздании вновь постучались в сознание. Отложив телефон на стол, Туманов нагнулся вперед, нащаривая выключатель на стене под висящей курткой. По данным внутреннего хронометра, во второй раз он проспал никак не меньше получаса, а это означало, что незапланированная стоянка поезда несколько затянулась.

Щурясь от яркого света, затопившего купе, Антон заставил себя отбросить теплое одеяло. Встал с полки, разглядывая свое помятое лицо в зеркале, закрыл дверной стопор и как был, в майке, трусах и носках, осторожно выглянул в коридор. Взгляд наткнулся на ряд одинаковых закрытых дверей — три по правую руку и пять по левую, цифровое табло, подтверждавшее время на мобильнике, и блестящий титан в конце коридора. За окнами, выходящими на другую сторону вагона, наблюдалась все та же безрадостная картина.

В полнейшей тишине Антон вернулся в купе, прикрывая Дверь. Теперь он убедился, что в вагоне действительно похолодало — табло показывало всего девятнадцать градусов.

Путаясь в штанинах, надел джинсы, сунул ноги в удобно разношенные ботинки. Пятерней пригладив растрепанную шевелюру, вышел из купе. Взгляд Антона не задержался на планшете с правилами проезда пассажиров, висящем на противоположной стене между окнами, бегло скользнул по шторам, рядам плотно закрытых дверей. Невольно прислушиваясь к тишине, царящей за дверьми купе, Туманов двинулся по коридору, машинально стараясь ступать мягко и бесшумно. В какой-то момент он так ясно ощутил нереальность происходящего, что едва не остановился. Светлые пластиковые стены и потолок бесстрастно отражали мягкий свет потолочных ламп.

Перед купе дежурного проводника Антон замер, незаметно для самого себя хмуря лоб и потирая щеку. Купе, которому по правилам полагалось быть открытым круглые сутки, купе дежурного с табличкой «Вас обслуживает проводник» и съемной вставкой «Алла Сергеевна Петрова», было закрыто. И отчего-то Туманову показалось, что его ждет не просто прикрытая дверь, задвинутая уставшей Аллой Сергеевной, решившей вздремнуть, а запертый замок. Подняв глаза на табло и убедившись, что под аббревиатурой WC горит зеленый огонек, Антон решительно прошел мимо дежурного поста и вошел в туалет.

Щелчок задвижки показался оглушительно громким и вызвал неуловимое чувство стыда. Виновато оглянувшись на себя в широкое зеркало, Антон навис над унитазом, пытаясь решить, как быть дальше. С одной стороны, если проводница сообщит ему о задержке, это никак не ускорит его прибытия в Абакан. С другой стороны, если он точно узнает, на сколько опаздывает, то будет обязан позвонить встречающим. Но это означало, что Аллу Сергеевну придется будить. А если та по какой-то причине отсутствует в вагоне? Вышла вынести мусор? Наведалась в соседний вагон? Отправилась в ресторан за упаковкой минералки? Что делать тогда?

В том, что существует необходимость будить второго проводника, сейчас мирно спящего в своем купе № 1, Антон был сильно не уверен. В конце концов, вынужденные

остановки поездов случаются едва ли не каждый день. Особенно сегодня, когда нет-нет да и произойдет авария... А может, и теракт... От мыслей о чем-то недобром в груди неприятно заняло, и Туманов решительно заглушил этот стон шумом спускаемой воды.

Отпустив П-образную педаль, он наспех сполоснул руки холодной водой. Тыльной, сухой стороной запястья открыл задвижку, возвращаясь в коридор. Нет, он не станет будить второго проводника. Еще немного подождет, и Алла Сергеевна лично ответит на все его вопросы.

Он пошел обратно, рассматривая информационные таблицы, украшающие стены вагона. Тишина, по-прежнему наполнявшая коридор, добавляла происходящему оттенок странности, какой-то удивительной загадочности. В эту минуту Туманов вдруг подумал, что вообще мог оказаться единственным пассажиром десятого купейного вагона. Это, кстати, вполне объясняло бы и отсутствие на посту дежурного проводника... Миновав объявления с преysкурантами и временными интервалами санитарных зон, требования к безопасности и карту следования, Антон остановился перед листовкой, в оглавлении которой значилось: «Расписание движения скорого пассажирского поезда № 068/067». Бросив еще один взгляд на табло, он принялся вычислять, в какой точке своего маршрута поезд должен был оказаться в шесть часов московского времени.

— Вы тоже не нашли проводника?..

Сначала Антон даже не понял, что произошло. Просто сердце вдруг прыгнуло вверх, едва не застряв в глотке, затем рухнуло в желудок, а колени стали мягкими, будто сделанными из сахарной ваты. Он негромко охнул, качнувшись вперед, и левой рукой уперся в расписание поезда. Повернул голову вправо, стараясь унять дрожь в коленках, и только тогда осознал смысл вопроса. Тишина, царившая в вагоне, была столь резко и бесцеремонно разрушена сказанными вслух словами, что в голове у Туманова словно разбилась огромная хрустальная люстра.

— С вами все в порядке?..

Теперь он понимал, что голос женский. Смотрел на девушку, выглядывающую из второго купе, и еще какое-то время не мог сопоставить звук и изображение. Вспышка страха, охватившая сознание, заставила Антона побледнеть, и он против воли опустил на откидное сиденье, что в изобилии крепились к стене коридора.

— Я вас напугала? Извините...

Несколько секунд, понадобившихся Антону, чтобы прийти в себя, показались вечностью. Однако теперь он вновь научился дышать и наконец мог рассмотреть девушку. Невысокая, фигуристая, с длинными каштановыми волосами, симпатичная студентка любого гуманитарного вуза страны — она стояла в дверях своего купе, а в глазах ее читалась тревога.

— Вы извините меня, пожалуйста, просто я подумала, что вам удалось найти проводника... Я вас так напугала...

Теперь он понимал, что девчонка, словно чертик из табакерки выпрыгнувшая из-за спины, обладает приятным низким голосом.

— Ничего страшного. — Антон с усилием улыбнулся, заставляя себя встать с мягкого красного сиденья. — Это вы меня извините, в вагоне было так тихо, что я уже подумал, будто еду в нем один...

Она улыбнулась, очень обаятельно, и от этой улыбки у Туманова мигом потеплело на душе.

— Ну так что?

— Что? — глупо переспросил он, слушая марафонский темп собственного сердца.

— Проводница. Вы ее нашли? Я выходила минут пятнадцать назад, но купе проводников было закрыто.

— Нет, не нашел, — стремительно краснея от собственной глупости, сознался он. — Все так же заперто, и никаких записок.

— Мы ведь выбиваемся из расписания, так? — с тоской спросила она, хотя ответ был

очевиден. Шагнула в коридор, с глухим дребезжанием прикрывая за собой дверь.

Теперь Антон смог еще лучше разглядеть ее. Лет двадцати, вряд ли больше, синие глаза, одета неброско, но со вкусом — свитер, тертые джинсы, из-под штанин которых виднеются яркие кеды с высоким голенищем. На шее у девушки цифровой плеер, а вязанный нагрудный карман плотно охватывает коробочку мобильного телефона.

— Думаю, не меньше чем на час, — ответил Туманов, облизывая сухие губы.

— Вы знаете, может быть, это и глупо, — она уставилась на простенькие узоры ковровой дорожки, старательно не поднимая взгляда, — но я как-то странно волнуюсь... Это, конечно, чепуха и глупости, но когда вас увидела, сразу поняла, что вы проводницу не нашли, и как-то вмиг разволновалась... Как вы думаете, что-то случилось?

Странное дело, но, когда девушка заговорила о тревоге, напряжение самого Антона неожиданно начало спадать. Туманов ощутил какое-то подлое облегчение, вдруг осознав, что кто-то волнуется больше, чем он сам. Улыбнулся, стараясь, чтобы это выглядело уверенно.

— Я убежден, причин тревожиться нет, — заявил он. — Думаю, что самое неприятное, что могло произойти, это повторение сценки Альтива про поезд, к которому прицепили два девятых, кажется, вагона. Может, помните, там еще много раз невозмутимым голосом повторялась фраза: «В это время пассажиры второго девятого вагона...»?

— А я думала, что этот монолог Задорнов читал, — ответила она, и Антон вдруг понял, что попал в точку. Девушка подняла глаза и осторожно ответила на его улыбку. — Меня Лена зовут.

— Антон, — представился Туманов, чувствуя себя несколько неловко. — Предложил бы вам чаю или кофе, но проводница, наверное, решила, что это лишнее...

Улыбка Лены стала чуть шире и менее напряженной.

— Если что-то узнаете, не могли бы вы заглянуть ко мне и рассказать, на сколько мы задержимся? Я все равно не усну...

— Конечно, — воодушевленно кивнул Антон, запоздало осознав, что слишком явно демонстрирует свою симпатию к этой милой особе.

Постарался перевести дух и зачем-то уставился на картинку с черным человечком, лезущим в какой-то лаз. Картинка располагалась над окном напротив третьего купе, а сухая подсказка гласила, что данное окно — аварийный выход. Поясняющая табличка над окном красными буквами: «При аварии», а черными в следующей строке: «потянуть за ручку полностью выдернуть шнур». Именно так, без знаков препинания, сухо и сжато. Схематический человечек, спасающийся из вагона, невольно заставил Туманова вспомнить о детском рисунке, найденном на четырнадцатой полке. Он снова взглянул на девушку.

— А я никого не разбужу?

— Нет, я одна в купе.

— Конечно, если что-то узнаю — сразу расскажу.

Лена благодарно улыбнулась, вынимая из кармана телефон. Каждый жест девушки говорил о том, что предстоящий разговор будет непростым. Когда в жизни человека что-то идет вразрез с расписанием или старательно разработанными планами, хорошего настроения не жди.

Антон уже приготовился вернуться в свое купе, когда Лена замерла на пороге, опять поворачиваясь к нему.

— И связи нет, — с обидой в голосе поделилась она. — Как назло, да?

— У вас какой оператор? — Антон изо всех сил старался не показать, что рад этой заминке, дающей возможность перекинуться с Леной еще хоть парой слов.

— Желто-черный полосатик. А у вас?

— У меня моторно-тракторная... Может быть, ловит? Я сейчас уточню и, если да, дам позвонить.

Девушка не ответила, лишь благодарно кивнула.

Туманов юркнул в купе, подхватывая со стола мобильник. Поднес к лицу, не без

радости рассматривая все пять «палок», сообщавших об устойчивом приеме. Но уже в следующую секунду «лесенка» сигнала побежала вниз, мгновенно сойдя на нет. Нахмурившись, Антон по привычке приподнял телефон над головой, но равнодушная надпись на экране «только SOS» так и не уступила место названию оператора.

— У вас тоже, да?

На этот раз Антон испугался не так сильно, но появление девушки за спиной чуть не заставило его уронить телефон. Лена стояла в дверях четвертого купе, понимающе покачивая головой.

— Все равно спасибо. Кстати, вы тоже один едете?

— А?.. Ах да, тоже один. Думаю, что с таким количеством пассажиров тут на каждого выделили целое купе.

— А можно, я с вами посижу? — неожиданно спросила она, тут же очаровательно смутившись. — Ну, то есть, конечно, если вы спать не собирались... Просто, общаясь в коридоре, можно перебудить всех, а я пока не узнаю, где мы, не усну... Ну, то есть я, конечно, могу и в своем посидеть, просто...

— Да нет, что вы, конечно, проходите. — Антон мысленно проклинал себя за неловкость, прозвучавшую в собственных словах. — Присаживайтесь. Я тоже не собирался спать, честное слово, — уже более уверенно соврал он, — так что давайте и правда поболтаем. Глядишь, услышим, как Алла Сергеевна вернулась...

— Кто?

— Ну... дежурный проводник, я хотел сказать. Я у нее на бейджике прочитал... — Он замолчал, не зная, о чем говорить дальше.

Лена уселась на свободную нижнюю полку, задумчиво глядя в темное окно. Антон отодвинул застеленный простыней матрас, присаживаясь напротив. Вновь пожалел, что не может предложить девушке даже стакана минеральной воды.

— Вы далеко едете?

— До Абакана. По работе... В командировку, если так можно сказать.

— Ясно. А я в Ачинск, к друзьям. Все лето не могла вырваться, и вот теперь представилась возможность.

Они снова замолчали, прислушиваясь к окутывающей купе тишине. Не было слышно ни храпа, ни звона подстаканников, ни шуршания газет. Возникло уверенное чувство, что они действительно остались в вагоне одни. Совсем одни.

— Как вы думаете, нас и правда могли... ну, например, отцепить? Я понимаю, что это звучит глупо, но ведь бывают в жизни такие дурацкие ситуации...

— Думаю, нет.

Однако против воли Антон тут же вспомнил сразу несколько художественных фильмов о железнодорожных происшествиях. Например, старый советский фильм-катастрофу, где трое молодых безбилетников оказались в заложниках у поезда, в кабине которого от приступа умер машинист. На огромной скорости, нужно заметить.

— Логично предположить, что мы просто кого-то пропускаем. Товарняк, например.

— Просто у меня такое ощущение, что мы потерялись, — смущенно улыбнулась Лена, поправляя прядь и одновременно пряча за ней глаза. — Весь поезд, вместе с нами. Как в «Лангольерах»... Вы читаете Стивена Кинга?

— Да, приходилось. Раньше, пока он писал нормальные рассказы ужасов, а не мутные романы о человеческой душе. Но эту книгу не читал, нет.

— Ясно, — кивнула она. — А еще, наверное, на меня так действует окружающий пейзаж. Это бескрайнее поле, убывающая луна, жуткая конструкция возле вагона...

— Убывающая? Я полагал, что она только готовится стать полной.

— Нет, полнолуние было пару дней назад, мы недавно с подружками обсуждали. Сейчас она как раз стареет...

Антон словно ударило током, спина покрылась наждаком гусиной кожи, а ладони внезапно вспотели. Чтобы скрыть нахлынувшую тревогу, он взглянул в окно, но девушка,

казалось, не заметила его реакции. Туманов внезапно подумал, что Лена права и их действительно отцепили, потеряв в пути. Он постарался вспомнить, не последним ли был его вагон, а в голове все крутилось и крутилось отрицание недоброго предчувствия.

— Мрачная картина, правда?

— Ага. — Туманов заставил себя избавиться от дурных мыслей. Господи, да тысячи людей используют именно этот оборот речи, и чего он так разволновался? — Но тревожиться все равно нет причины. Поезд — не самолет, способный упасть там, где его никто не найдет, — зачем-то добавил он.

Но Лена уже переключила внимание, забирая со стола детский рисунок.

— Ой, какая прелесть! Чудесный рисунок! — Она принялась увлеченно рассматривать картинку, улыбаясь увиденному. — Это ваш? У вас есть дети?

— Что? О, нет, я не женат. — Антон смотрел на девушку, держащую альбомный лист ровно перед своим лицом. — Я нашел его. Здесь, на верхней полке. Остался от предыдущих пассажиров...

— Я считала, что купе прибирают после поездки.

— Я тоже так думал. Видимо, не заметили...

Туманов слышал свой голос словно со стороны, машинально продолжая отвечать Лене, но внимание его было полностью приковано к альбомной странице. Странная тревога, рожденная этой нелепой остановкой поезда, усиливалась. Он смотрел на рисунок (точнее, на его обратную сторону), и ладони потели все сильнее. Возможно, переверни он листок сразу же, такого эффекта тот бы не оказал, но сейчас...

По обратной стороне листа огромными корявыми буквами неуверенная детская рука старательно вывела:

Соломенный человечек живет в купе № 7

Красным карандашом. Неаккуратно, но без ошибок.

И отчего-то Антону показалось, что первобытного страха в этой надписи куда больше, нежели в мрачном пейзаже вокруг поезда, полной луне или когтистом тополе.

— Смотрите, Лена, произведение еще и подписано, — чужим голосом произнес Антон, поднимая указательный палец.

— Ой, действительно, — девушка перевернула лист, — какая прелесть! Думаю, в этом седьмом купе ехал колоритный пассажир, если произвел на ребенка такое впечатление...

— Пожалуй, — машинально ответил Антон, хотя мысли его сейчас были заняты совсем другим.

Прислушавшись к ним, он вдруг понял, что продолжает убеждать себя, что с поездом и вагоном все в порядке. Мысленно проговаривает фразу раз за разом, словно это могло как-то уменьшить время стоянки или заставить состав двигаться дальше.

Придвинувшись к окну, он с тоской вгляделся в даль, скрытую во тьме. Луна, как бы ярко она ни светила, не могла пронзить темень, делая далекие леса еще более таинственными и мрачными. Антон перевел взгляд направо, силясь все же рассмотреть, что же за странная установка расположилась буквально в метре от рельсов, но тут его парализовало.

Он хотел сдвинуться с места, отшатнуться или хотя бы вскрикнуть, но силы оставили его, как вино покидает треснувшую бутылку. Шевелились лишь волосы на руках и загривке, реагируя на опасность так же, как это происходило у далеких пещерных предков. Онемели даже веки, и, как ни старался Антон отодвинуться или хотя бы просто закрыть глаза, взгляд его оставался прикован к молочно-белесой конструкции, смутно виднеющейся впереди по ходу поезда. Страх, дичайший страх (не сродни тому, что он испытал, когда его в первый раз напугала Лена) охватил Туманова, лишая способности думать и действовать. Стало холодно, словно кто-то повернул рубильник, включая январскую стужу.

Потому что прямо на глазах Антона бледная двухметровая конструкция пошевелилась, и ровно через мгновение он понял, что это не просто нагромождение трубок и прутьев.

Понимание, что смутный силуэт во тьме — человек, пришло неожиданно, почти как озарение, что посещает, когда смотришь многослойные картины Сальвадора Дали. Высокий долговязый человек, неподвижно простоявший возле вагона не один час, поднял голову, делая шаг назад и в то же мгновение исчезая во тьме.

— О господи...

Шипение, вырвавшееся из пересохшей глотки Антона, мало походило на связную речь. Но Лена услышала не слова — она уловила отчаянье, сквозившее в этом стоне. Листок с детским рисунком выпал из ее пальцев, мягко спланировав на лежанку, а лицо девушки приобрело молочный оттенок.

— Что случилось? — только и смогла спросить она, заранее испугавшись ответа.

— Там, в темноте, возле поезда... Там кто-то есть... Там человек, он стоял у самого края вагона... Как же он меня напугал. — Ледяные тиски, сковавшие мышцы Туманова, медленно разжимались. — Он отошел в темноту... Он... он очень странный.

Девушка медленно придвинулась к окну, с опаской выглядывая в ночь. Казалось, она откровенно боится прикоснуться к стеклу.

— Та конструкция, — Антон заметил, что его пальцы дрожат, — это и был человек... Не семафор, нет. Странный человек.

— Может быть, обходчик? Ну, знаете, которые работают и живут в этих крохотных домиках, что расположены почти на каждом переезде? — Голос девушки подозрительно вибрировал. — А может быть, вам просто показалось?

— Может быть, — рывком кивнул Туманов, искренне молясь о том, чтобы так оно и было. — Но можете посмотреть сами, странная штука исчезла. Я иду к проводнице.

И встал, как ему показалось, предельно решительно. На самом же деле тяжело поднялся с застеленной кровати, почти не чувствуя ног. Лена немедленно поднялась следом.

— Я иду с вами.

Антон позавидовал твердости ее голоса.

— Хорошо, — и первым вышел в коридор.

На этот раз светлые стены вагона уже не светились уютом и белизной. Сейчас они казались игрушечными, ненастоящими, поддельными, словно весь вагон был не более чем декорацией к кинофильму. Широкими шагами Антон двинулся в сторону купе проводников, минуя крохотные откидные сиденья на стенах, ряды закрытых дверей (приоткрытым оставалось только второе купе Лены) и развешанную между окнами справочную информацию открытого акционерного общества «Российские железные дороги». Лена, едва не наступая ему на пятки, шла следом.

Купе дежурного проводника, как и пятнадцать минут назад, оказалось запертым, но сейчас Туманов не довольствовался кратким ожиданием. Взявшись за железную ручку, неожиданно холодную, он постучался в купе левой рукой. Глухой стук по пластиковому покрытию разлетелся вдоль коридора, но Антон даже не обратил на это внимания.

Выждал несколько секунд, постучался вновь, но уже более настойчиво, неловко отбив костяшки двух пальцев. Зерна тревоги, упавшие в душу еще во время первого пробуждения, проклюнулись, стремительно прорастая. Не прекращая стучать, Антон потянул дверь вправо. Потянул сильнее, но и на этот раз не сдвинул ни на волосок. Казалось, что та не просто заперта на простейший замок, но едва ли не приварена к дюралевым косякам.

Лена, не дыша замершая за его спиной, не издавала ни звука.

Шагнув вправо, Антон невольно отодвинул девушку к окну, принявшись стучать в купе со странной маркировкой «38, 39». Сместившись еще правее, он чуть ли не в полную силу забарабанил и в купе отдыха проводников. Перестук летал по коридору, но ни одна из дверей не распахнулась, не прозвучали гневные возгласы разбуженных. Тогда Туманов поочередно попробовал открыть двери подсобных помещений, дергая за ручки уже без всякого стыда или опаски. Те, будто нарисованные на кирпичной стене, не поддались.

— Так же не может быть? — Антон далеко не сразу сообразил, что разговаривает сам с собой, бормоча под нос. — Кто-то из проводников в любом случае должен оставаться в

вагоне, так? Не могли же они взять и сойти на полустаночке, оставив в вагоне пассажиров? Бред какой-то...

Он обернулся к Лене, спиной прислоняясь к двери купе отдыха. Пластик оказался холодным, сразу пробирающим через легкую ткань футболки. Слова были не нужны, девчонка понимала все и так, затравленно глядя в его глаза.

— Этого не может быть... — медленно повторил Антон, стараясь не обращать внимания на мерзнущую спину. Скользнул затравленным взглядом по титану, двери туалета, крану с питьевой водой, вмонтированному в стену слева от дежурного купе.

— Соседний вагон...

— Что?

— Нужно сходить к проводникам соседнего вагона.

Глаза Антона распахнулись, словно Лена только что доказала ему теорему Ферма. Разворачиваясь к тамбуру, он проклял себя за то, что эта мысль не возникла у него до того, как он принялся отбивать костяшки пальцев. И пришел в себя только через пару минут, когда испуганная Лена повисла на его руке, яростно ее теребя. Антон мотнул головой, понимая, что залип, вцепившись в ручку двери, ведущей в соседний вагон. В ручку наглухо запертой двери.

За крохотным оконцем поблескивала перегоревшая лампочка, но больше ничего Антон уже рассмотреть не мог — в крошечной тьме ему было видно лишь собственное отражение в стекле.

— Я точно знаю, — выдавил Туманов, отпуская дюралевую ручку, — что следующий вагон — не ресторан, чтобы его закрывали на ночь. — В морозном воздухе тамбура из его рта вырывались струйки пара. — Пойдем, здесь холодно.

Захлопнув за собой дверь, они вернулись в коридор десятого вагона.

— Нужно проверить вторую, — уверенно произнес Антон, даже не удивившись, как мрачно звучат его слова. Звучат как слова человека, угодившего в западню.

Лена молча кивнула.

Быстрым шагом они вновь миновали коридор. Листовки, притаившиеся в пластиковых конвертах, продолжали рассказывать об изменениях тарифов стоимости проезда по маршруту Абакан — Москва, пестрели логотипами и графиками, однотипно озаглавленными массивными и нечитаемыми шапками вроде: «Федеральная-пассажирская-дирекция-Енисейская-региональная-дирекция-по-обслуживанию-пассажиров-пассажирское-вагонное-депо-Абакан».

За окнами продолжала густеть ночь.

Ко второму туалету вела дверца, не имевшая замка, — эдакая вертушка с окном по центру, открывающаяся в обе стороны. Туманов распахнул ее ударом ладони. Он почти не отдавал себе отчета, сколь молниеносно недоумение его протестующего сознания сменилось злобным шипением угодившей в мешок змеи.

Опасения подтвердились — тяжелая дверь, ведущая из курилки в соседний вагон, была заперта, как и предыдущая.

— А вдруг у нас просто вагон последний? — спросила Лена, но теперь уверенности в ее голосе поубавилось.

— Вдруг. Но эта дверь ведет вперед по ходу движения, а не назад. А в прошлый раз я не заметил сказочного пейзажа, простирающегося за нашей кормой...

Заскрипев зубами, Антон отошел на полшага и грохнул по замку ботинком. Металлический звук удара раскатился по тамбуру, а Лена вскрикнула. За мутным дверным оконцем виднелась еще одна перегоревшая лампа, остальное скрывала равнодушная тьма.

— Это что, какой-то розыгрыш?! — рякнул Туманов. — Что-то вроде «Скрытой камеры»? «Подставы», «Жестоких игр» или «Розыгрыша»?! Где тут у вас камеры?..

И осекся, проследив за взглядом Лены. Обернулся к окну на левой стороне. И успел заметить молочный силуэт, промелькнувший за стеклом, — словно кто-то подтянулся, заглядывая в вагон, но в последний момент торопливо спрыгнул с подножки.

— Пойдем в купе? — Лена, казалось, сейчас упадет в обморок.

— Немедленно, — сипло согласился Антон, покидая тамбур.

И едва не вскрикнул, отшатываясь от собственного отражения в зеркале напротив. Широкое зеркало, занимавшее стену слева от туалета, было перечеркнуто широкой вертикальной трещиной, раскалывающей и отраженного Туманова. За своей спиной он увидел испуганные глаза Лены, чуть не уткнувшейся ему в спину.

— Да это же просто бред какой-то, — зло пробормотал Антон, снова врезав по ни в чем не повинной дверце-вертушке. — Какого черта тут происходит?

Лена, не отстававшая от него ни на шаг, подавленно молчала. Было сложно понять, о чем думает девушка, но одно казалось очевидным: она до икоты напугана, причем как ненормальностью ситуации, так и поведением самого Туманова. В дверях четвертого купе тот замер, раскинув руки и упираясь в косяки проема.

— Я собираюсь разбудить кого-нибудь из пассажиров, — уже гораздо мягче, успешно подавив эмоции, процедил он. Прищурился, гоня прочь мысль о том, что на производимый им грохот уже давно должен был выглянуть хоть кто-то. — Что скажешь?

Вовлечение девчонки в процесс принятия решения помогло привести ее в чувство, в ее глаза вернулся рассудок.

— Думаю, стоит попробовать... — сказала она, осматриваясь. — Я готова извиняться первой.

Первое купе принадлежало проводникам, во втором ехала Лена. Застыв на несколько мгновений перед дверью третьего, Антон глубоко вздохнул. Сдержанно, осторожно постучал.

Тишина, ставшая ответом, длилась бесконечность. Он постучал еще раз, хоть уже и успел понять, что купе пусто. Подергал ручку, но, как и ожидалось, дверь оказалась заперта на внешний замок. Заперта проводниками, исчезнувшими из вагона. Чувствуя стремительно нарастающий озноб, Туманов потер леденеющие плечи, постучался еще раз. Не оборачиваясь к девушке, перешел к двери пятого купе.

Стук. Ожидание. Тишина.

Антон перешел к шестому купе. Лена следовала за ним. Стараясь сдерживать злость, на этот раз Туманов попробовал сразу открыть дверь, ответившую отказом. Теперь он стучал кулаком — широко размахиваясь, надеясь одним махом перебудить весь вагон. Не дождавшись, пока стихнет эхо, шагнул к двери следующей комнатухи... И замер.

Соломенный человечек живет в седьмом купе.

Плашка слева от входа указывала, что за дверью находятся места с 25-го по 28-е.

Соломенный человечек в седьмом купе.

Озадаченная Лена постаралась заглянуть ему в лицо, но и тогда Антон не поторопился потревожить сон пассажиров купе № 7.

Потревожить сон соломенного человечка.

Наконец поднял руку, последними словами ругая себя за странные мысли, упорно лезущие в голову. Тревога сменилась полным нежеланием верить в происходящее. Отрицание, в свою очередь, превратилось в гнев. Сейчас, неожиданно остыв, Туманов чувствовал, что готов признать всю нелепость своего поражения (это ловушка, точно ловушка), а в странном реалити-шоу множества скрытых камер пора ставить точку. Даже если для этого придется повернуться лицом к невидимым зрителям и признать, что тебя сумели напугать и облапошить...

Попробуй договориться с соломенным человечком. Он как раз живет здесь, в купе № 7.

Побелевшие костяшки опустили на светлый пластик двери. Еще раз. И еще. В следующую секунду Антон почувствовал, как холодно стало в вагоне.

— Ты чувствуешь, как?.. — Он обернулся к Лене, но продолжать вопрос не стал — это было излишне. Она стояла позади, обхватив себя руками за плечи, а из ее рта вырывался пар.

Глядя на собственное дыхание, Туманов обернулся к мудрому табло, нависавшему над легкой дверью-вертушкой. И едва не открыл от удивления рот, ощутив новый приступ

едкого страха. Надменные красные цифры показывали, что температура в вагоне составляет 13 градусов тепла, московское время равняется 91:91, номер вагона вовсе исчез, а индикатор WC горел в режиме «закрыто».

— Лена, — сухо сказал Антон, старательно не глядя на девушку. — Послушай меня внимательно. Мы с тобой находимся в запертом вагоне скорого поезда, вставшего неизвестно где. Кроме нас, как я уже догадался, в вагоне никого нет. Тут вообще никого нет, если не считать тупоумного обходчика, умеющего путать людей... Что-то происходит с температурой, что-то происходит с сотовой связью. Поэтому я задам тебе всего лишь один вопрос, и ты должна мне честно на него ответить. Лена, если ты являешься актрисой какого-то реалити-шоу, самое время признаться в этом. Потому что, если ты не сделаешь этого, может произойти неприятность. Так что давай я признаю свое поражение, а ты сейчас сообщишь в секретный микрофон, что съемка завершена и еще один выпуск вашего конченого шоу готов, ладно? Либо поклянись мне своей матерью, что не имеешь к этому никакого отношения...

Все время своей неторопливой вдумчивой речи Антон не сводил взгляда с электронного табло. Девятки и копейки на часах пару раз мигнули, но не изменились. А вот датчик температуры теперь показывал цифру 12.

Сообразив, что так и не услышал ответа, Туманов повернулся к девушке. И прикусил губу, увидев, как бесшумно, но безудержно та плачет, глядя ему прямо в лицо. Она ничего не ответила, лишь глотала слезы и старалась не всхлипывать, но Антон и так все понял. Почувствовав боль, расслабил челюсти, ощутив на языке привкус крови.

— Лена... прости...

— Я понимаю, — наконец всхлипнула она, и на этот раз слезы прорвались потоком. Она качнулась вперед, утыкаясь ему в плечо, и Антон бережно обнял ее.

— Ты вся дрожишь, пойдем в купе, я дам тебе свитер...

— У меня есть куртка...

— Хорошо, пойдем, наденем куртку.

По-прежнему придерживая девушку за вздрагивающее плечо, он повел ее во второе купе. Снял с пластмассовой вешалки белую синтепоновую куртку, разворачивая и помогая попасть кистями в рукава. Теперь Лена справлялась со слезами, размазывая их по лицу. Несколько раз тяжело вздохнула, восстанавливая дыхание, и вынула из кармана мобильник, вновь проверяя связь. Ругнулась сквозь сжатые зубы, убрала телефон обратно.

— Пойдем к тебе в купе, — дрогнувшим голосом предложила она, и Антон кивнул.

Он подумал, что и сам был бы не прочь накинуть свитер. Термометр в конце коридора равнодушно сообщал, что температура опустилась еще на градус.

Стены, казалось, сжимаются, превращая некогда светлый и уютный коридор в опасное ущелье, населенное ядовитыми тварями. Никогда в жизни не испытывавший клаустрофобии, Туманов вдруг ощутил, как замкнутое, закрытое со всех сторон помещение давит на его сознание, как наваливается потолок, каким нестерпимо ярким кажется свет ламп.

Они вошли в купе, и Лена опустилась на прежнее место. Антон торопливо вынул из-под подушки свитер, влезая в его сомнительное тепло. По привычке прикрыл дверь, но створка застыла на полпути. Не отпуская дверной ручки, Туманов смотрел на глубокую вертикальную трещину, раскалывающую прямоугольное зеркало почти пополам. Сглотнув комок, он задвинул створку обратно в стену, оставив купе открытым. Шальная мысль о том, что в туалетах зеркала теперь тоже украшены зловещими трещинами, промелькнула испуганной птахой.

— Я сдаюсь, — прошептал он, с опаской взглянув на девчонку. Прекратив плакать, та неподвижно сидела напротив, глядя в пустоту. — У меня нет ни единой версии, что тут происходит. Холодает прямо на глазах, странный мужик бежит вокруг вагона, в запертых купе никого нет...

— Лангольеры, — почти прошептала Лена.

— Что? — Антон наклонился вперед, следя за ее губами. — Я не разобрал.

— Я говорю, это лангольеры. В точности как у мистера Кинга. Или что-то подобное, наверняка. — Девушка говорила едва слышно, но уверенно. — Знаешь, Антон, иногда творческие люди выплескивают на бумагу не только свои фантазии. Я верю, что иногда они лишь транслируют чужие мысли. Чуткие истории. Рассказы, предупреждения. Транслируют их откуда. С той стороны. Откуда-то извне...

— Лена, не надо. — На самом деле Туманов хотел сказать ей, чтобы она немедленно заткнулась и перестала нести чушь, но вовремя вспомнил о потоках горьких слез. — Не нужно так думать. Сказки остаются сказками, а мы живем в реальном мире. Перестань, ладно?

— Сказки? — задумчиво протянула она. Взгляд ее сместился на стол, рука словно во сне протянулась вперед, а пальцы сомкнулись на листке с забытым детским рисунком. — Ну тогда расскажи мне, откуда берутся суеверия и приметы. Откуда берутся мифы и легенды? — казалось, она разговаривает сама с собой, едва ли замечая присутствие собеседника. — Например, откуда взялась примета не загадывать наперед? Откуда в человеке живет страх сглазить самое лучшее в своей жизни? Привлечь к своему счастью нечто *неправильное*, приносящее беду? Откуда?... — Ее голос превратился в едва различимое бормотание, а затем и вовсе пропал — только беззвучно шевелились распухшие губы.

Антон, выслушавший ее монолог в полном молчании, заметил, что все это время просидел, до боли сцепив кисти рук. Лена, переместив взгляд, вновь принялась рассматривать рисунок. Перемещая взгляд с домика на дерево, она натянуто улыбалась. Улыбалась, как человек, перечитывающий свое заявление об увольнении. Как человек, получивший телеграмму о пожаре своего дома или угоне машины. Как человек, осознавший беду, но не способный справиться с ней.

Туманов отвернулся, безуспешно пытаясь заставить свои мысли работать. Если девчонка напугана и впала в ступор, он и в одиночку должен найти выход. Конечно, вышибать казенные окна немалой стоимости — дело ответственное, но если он ничего не придумает, придется пойти и на это. Он уже присмотрел увесистый огнетушитель, закрепленный возле крана с питьевой водой.

Антон встал, задумчиво снимая с верхней полки еще два шерстяных одеяла. Набросил одно на плечи Лене (она даже не пошевелилась), во второе укутался сам. Выбираться из вагона в такую морозную октябрьскую ночь — тоже не лучшая идея...

И тут его взгляд вновь упал на рисунок.

Соломенный человечек живет в купе № 7.

Казалось, холодеть больше некуда, пальцы и так замерзли, а изо рта вырывался пар, но на этот раз Антон буквально оледенел. Всматриваясь в детские каракули, он кипел и затухал одновременно, не зная, что думать и говорить, как быть дальше. Не верил себе, не верил Лене, не верил в происходящее. Он просто смотрел на альбомный лист, размалеванный цветными карандашами, и холодел все сильнее.

Рисунок остался прежним, но теперь Антон понимал, чему так загадочно улыбалась девушка. Потому что картинка *изменилась*. Там, где в первый раз Антону привиделся садик с засеянными грядками, теперь чернели могильные холмы. Веселое желтое солнышко превратилось в ущербный месяц, из трубы домика валил густой дым — спиралькой, как рисуют все дети планеты. Там, где раскинул свои густые ветви дуб (именно дуб, да), возвышалась массивная виселица, ожидающая нового гостя. Но главное, что сильнее всего напутало Антона, — это лицо забавного страшила (*соломенного человечка*), изменившееся вместе с картинкой. Там, где еще час (два, три, вечность?) назад сияла улыбка, теперь находился злобный звериный оскал.

Вырвавшись из липкого оцепенения, в которое рухнул, увидев рисунок, Антон резко нагнулся, вырывая листок из рук девушки. Одеяло, брошенное на его плечи, соскользнуло в проход между полками.

— Ты что, сука, идиота решила из меня сделать?! — закричал он, наклоняясь прямо к ее уху. — Я же тебя, дура, сразу предупредил, что если вы не прекратите, добром это не

кончится! Поиметь меня решили?! Попутать?! Твари!

Он тяжело грохнулся напротив Лены, тряся рисунком перед ее лицом. Та же, словно в трансе, казалось, вообще не слышит криков Антона, наполнявших купе. Смотрела в одну точку, скупно улыбаясь, а пальцы даже не разжались, как будто девушка до сих пор сжимала в них лист бумаги.

— Немедленно прикажи своим ублюдкам открыть двери! В каком купе прячутся помощники? В третьем? В седьмом? Ну, давай, напугай меня еще раз! Чего ты молчишь? Второй раз я на твои слезы не куплюсь!

Лена и правда расплакалась вновь. На этот раз тихо-тихо, Как делают смиренные умалишенные. Слезинки медленно катились по ее бледным щекам, но ни тени эмоции не промелькнуло на осунувшемся лице.

— Добром не кончится, — шепотом произнесла она, повторяя слова Антона, и на этом замолчала.

— Сука! — рывкнул Туманов, швыряя рисунок на стол. — Дрянь! Все вы сволочи!..

И захлебнулся бранью, потому что увидел, что с первого взгляда заметил далеко не все изменения в безобидной детской картинке. Альбомная страница упала на пустой столик лицевой стороной вниз, и теперь Антон мог еще раз прочитать надпись на обороте. Точнее, надписи, потому что к прежней добавилась еще одна.

Соломенный человечек живет в купе № 7
Он уже дома

Красным карандашом. Неаккуратно, но без ошибок. Под аккомпанемент густого дыма, поднимающегося над трубой-прямоугольничком на крыше нарисованного домика.

Схватив рисунок, Туманов принялся рвать бумагу на мелкие клочки, швыряя их по всему купе. Лена, не обратившая на этот поступок никакого внимания, продолжала рассматривать пустоту.

— Хрена с два! — Антон сплюнул на пол коридора, хрустнув костяшками пальцев. — Вы у меня узнаете, что такое хорошие прокуроры!

Идея пришла к нему неожиданно, как мелькнувший в окне жуткий белесый силуэт, вспышкой, обнадеживающей и доброй. Она скорее всего не сработает — зоны покрытия наверняка нет, — но это лучше, чем покорно висеть на удочке сумасшедших телевизионщиков. Нагнувшись, Антон выдернул из-под тринадцатой полки сумку. Поставил прямо на смятое постельное белье. Открыл, чуть не сломав замок-молнию. Холодными пальцами вынул из сумки тяжелый короб ноутбука.

— Этот сигнал, полагаю, вы заглушить не додумались! — торжествующе рывкнул он в сторону девушки, разматывая шнуры.

Шагнул в пустой (как старое заброшенное здание, как покинутый дом) коридор, направляясь к розетке. Откинул дерматиновое сиденье, встав на него ногой, уложил компьютер на коленке, открыл крышку.

— Давай, старушка, не подведи... — Бормоча, он кусал губы. Ему было не до того, чтобы заметить, как на электронном термометре зажглась цифра 7. — Выручай...

Розетка с подписью 220В располагалась примерно на уровне глаз, как раз над табличкой со схематично нарисованной электробритвой. Тут же, сбоку от яркого опломбированного стоп-крана, висело объявление, что пассажиры могут пользоваться данной розеткой для подзарядки сотовых телефонов, но точка не предназначена для этих целей, а потому всю ответственность они несут сами. Ниже, за коленкой, белела еще одна розетка и плашка с маркировкой 110V.

Подхватив упавшую до пола вилку, Антон вонзил ее в источник питания.

Загрузка «Виндов», казалось, растянулась лет на триста, но уже через минуту пальцы Туманова привычно запорхали над клавиатурой, мгновенно забыв про холод. Подключая беспроводной модем, он ни на миг не прекращал что-то беззвучно нашептывать.

И тут же подумал, что найти сеть и подключиться ему помогла именно эта своеобразная молитва. Запустился QIP, система передачи мгновенных печатных сообщений. Развернулся список контактов, большая часть которого была окрашена в красное — состояние offline. Но когда на настойчивый вызов ответил один из друзей, все еще (либо уже, с самого раннего утра) сидящих в сети, Антон едва не закричал в полный голос. И победно взвыл, когда Славка сам, опередив на несколько секунд, первым бросил ему сообщение:

«Антоха? Твою мать, ты чо, совсем с катушек ку-ку?!» Антон очень боялся, что в любую минуту связь может упасть. Печатать приходилось одной рукой, второй придерживая на коленке ноутбук, но обращать внимание на опечатки не было ни времени, ни желания. Зажав большим пальцем клавишу Ctrl, Туманов средним утопил Enter, бросая другу второпях набранный текст:

«у меаня проблемы, нужна помощь, ка кможно скорее». Несколько секунд напряженного ожидания. Ответ:

«Это и так понятно, что проблемы. Мы тут уже все на ушах. Сейчас расскажу, что тут пацаны устроили по твоему поводу, ты им в глаза потом смотреть не сможешь».

«да заткнист твы, наконец и зщাপоминай, что яч пишу! я кажется попад на какое-то конченное реалисти-шоу... блин, я дапже объяснить толком не могу... выфехал сегодня в ночь на 68-м дро абакана, как и плани ровал... тгде-то перед Тайгой вагон отцепили и теперь меня пытаются поиметь в мозг, подстраивая всякую страшенную херню!»

Отправив сообщение, Антон замер, задержав дыхание. Несколько томительных секунд ничего не происходило, лишь в правом верхнем углу окна светилось сообщение, что друг печатает ответ.

«Ты чо несешь-то?»

«заткнись, твою мать... короче, я тут в пустом вагоне с одной совершенной ибнутой актриской... стоим ихр знает где, в каких-то полях... связи нет, проводники свалили, на встречу в абакан опоздал уже мчасов нга пять! полный абзпц. вали срочно на вокзал, поднимай всех на уши, этисуки меня хотяти тут до белого каления довести».

Мерцание курсора, взгляд прикован к окну переписки. Индикатор связи со Славкой горит таким добрым зеленым светом, сообщая, что связь все еще есть...

«Антоха, а теперь ты заткнись, ладно?»

И прежде чем Антон успел еще хоть что-то напечатать, второе сообщение:

«Ты чо, брат, в запое? Или обкурился? Ты себя сам послушай, ладно? Мы тут уже полстраны перерыли, а он всплыл и про телешоу мне впаривает. Ты где, урод моральный?»

— Ты что, Славик, слышишь меня плохо?! — Туманов заорал это прямо в монитор ноутбука, брызжа слюной на жидкокристаллическую пластину. — Уши протри, козел! Я сказал тебе, на 68-м я, куда и сел... — И, спохватившись, ударил по клавишам:

«я же сказал... бл, я на 68-м куда и сел застрял в какой-то жопе!»

Щелчком по двум заветным клавишам отослал текст, не чувствуя и не замечая, как капли пота бегут по виску, падая на открытый компьютер.

Связь оборвалась неожиданно, просто мигом.

В левом нижнем углу монитора оперативно всплыло розовое окошечко сервисного сообщения с информацией о том, что связь была прервана и необходимо проверить настройки подключения. «Connect Failed», сообщал ноутбук, но Антон не смотрел на предупреждение о разрыве. Его глаза были прикованы к последнему текстовому сообщению Славика, успевшему пройти на его компьютер за мгновение до того, как ноутбук потерял сигнал. Индикатор на верхней части диалогового окна горел красным (туалет вагона закрыт, извините).

«Какой 68-й, твою мать?! Да мы твой 68-й скорый еще вчера утром встретили, до последнего купе все перерыли! Тут уже два города на ушах стоят! Ты куда девался? Козлина, немедленно мне позвони!»

В душе Туманова что-то оборвалось, а из легких разом вышибло последний воздух.

Встретили еще вчера утром. Перерыли все, до последнего купе. Вчера утром.

Встретили.

За левым плечом Антона Туманова с грохотом отворилась купейная дверь. Дребезжа, поползла по салазкам, пока не уперлась с лязгом металлической ручкой в косяк, покорно остановившись. Антон безвольно наблюдал, как с его колена медленно соскальзывает ноутбук. Как падает на пол, раскалываясь на две равные половины, как с прищелком вылетает из розетки шнур. В наступившей абсолютной тишине.

Не глядя под ноги, хрустя обломками любимого портативного компьютера, он медленно повернулся налево. И равнодушно уставился на черный провал, образовавшийся там, где еще секунду назад белела дверь купе. Купе номер семь.

Не чувствуя ног, Антон шагнул вперед, осторожно и со страхом, но все же стараясь хоть краешком глаза заглянуть внутрь. Замешкался в дверях собственного купе, скосив глаза на Лену, так и не изменившую позы. Казалось, за последние четверть часа девчонка постарела лет на двадцать.

— Седьмое купе... — зачем-то сказал ей Антон, уже зная, что его не слышат. — Оно открылось. Слышишь, Лена? Оно открылось...

А еще Туманов понял, что девчонка на самом деле не разыгрывала его. Никто не разыгрывал. Не было ни скрытых камер, спрятанных на багажных полках, ни помощников, подбрасывающих новые рисунки, ни специального телешоу, ни запасного пути, куда можно отогнать вагон. Была только густая ночь, холод, двухметровое существо с кожей цвета протухшей манной каши и купе № 7. Купе, где живет соломенный человечек.

Он уже дома.

Не в силах приказывать собственным ногам, Антон наблюдал, как те несут его все ближе к распахнутой двери странного купе. Сердце замедлило темп, кровь отхлынула от лица.

Туманов не чувствовал холода, теперь ему казалось, что он сам состоит из чистого горного льда, хрупкого и звенящего. Из сотен тысяч листков тончайшей стеклянной бумаги, рвущейся при каждом шаге. Он словно стал частью этой продрогшей ночи, бестелесным лучом стареющей луны, ранимым и бессмертным одновременно.

Антон замер на пороге, приказав себе не отводить взгляда. Смотрел в черное марево, болезненно щуя глаза, и почти не дышал, все еще не в силах поверить до конца. Тьма, наполнявшая пространство перед ним, казалась живой, угольно-черной, густой и вязкой, как свежая смола. Обрываясь ровно на пороге, в считанных сантиметрах от ног Туманова, она так резко контрастировала с ярким освещением коридора, что этот контраст вызывал почти физическую боль. Тьма полностью скрывала полки, столик, окно, дорожку на полу в проходе, свернутые в рулоны матрасы на верхних лежанках — она скрывала все, расступаясь перед взором сотнями обсидиановых граней и одновременно оставаясь непрозрачной. Казалось, Антон смотрит в огромный чан с застывшей вулканической лавой, монолитной и призрачной одновременно.

— Твоим мечтаниям не суждено сбыться, Антон, — прошептала Лена из-за его спины. Появилась там тенью, бесшумно подкравшись по мягкому ковру.

Мягкая лунная бумага, из которой было соткано тело Туманова, окаменела, не давая пошевелить и пальцем. Продолжая вглядываться в злую чарующую темноту впереди, он лишь мог чувствовать, как девушка прижимается к его спине, касаясь губами мочки левого уха. Ее шепот стал сухим, как перестук гравия, которым отсыпают железнодорожные насыпи.

— Мне повезло, что жребий пал именно на тебя, поверь... — Ее дыхание стало нестерпимо жарким, а слова били по сознанию, как удары звонкого молоточка. — Я люблю не только человеческий страх и плоть, но и несбывшиеся надежды. Знаешь, это как вишенка на десерте — заключительный штрих, заставляющий получить предельное удовольствие... Но перед тем, как ты войдешь в мой дом, я хочу, чтобы ты испытал еще и сострадание. Сострадание ко мне. Да, Антон, именно его. Ты знаешь, как это тяжело — искать таких, как ты? Искать среди миллионов пассажиров, выжидать, высматривать изъяны... Тебе ведь

жалко меня?

Туманов почувствовал, что его медленно разворачивают за плечо. Рывками, как в покадровой съемке, перед глазами проплывал вагонный интерьер — пульсирующая глотка коридора, ветшающие на глазах таблички, облезлая краска, потрескавшиеся оконные стекла. Тьма, наполнявшая седьмое купе, загудела, лампы по всей длине потолка замигали, приготовившись умереть. С характерным щелчком рубильника свет погас, но уже через секунду вагон наполнился приглушенным полумраком, какой властвует в поездах в ночное время суток.

Антон повернулся к черному мареву спиной. Лена стояла перед ним, положив тонкие руки на его плечи, и глаза ее клубились липкой темнотой.

— Тебе ведь жалко меня, Антон? Жалко за мои мучения, за лютый голод, за годы поисков? Ответь мне. Ты можешь, я разрешаю...

И тогда он кивнул, чувствуя, как рвутся под кожей шеи тонкие бумажные связки, лопаясь с хрустальным звуком, так громко, что заложило уши.

— Мне жалко тебя... — бесшумно прошептал он, и в глазах его начали трескаться сосудики, заливая белки болезненной краснотой. — Мне на самом деле жалко тебя, Лена...

— Молодец, Антон. — Девушка улыбнулась, и уголки ее губ медленно поползли за грани разумных пределов, почти к ушам. — Потому что теперь я могу забрать тебя с полным правом. И еще одно — не называй меня так больше...

На глазах Туманова тело девчонки начало вытягиваться, приобретая хищные пропорции богомола. Одежда лопнула, опадая к порогу купе, и в мягком свете ночных светильников заблестела мертвенно-бледная кожа, обтягивающая двухметровый скелет с непропорционально огромной головой. Усыпанный клыками рот изогнулся в широком оскале, и уже через мгновение соломенный человечек принял свой истинный облик.

Оно было создано из старых, в щепки растрескавшихся железнодорожных шпал, острые концы которых торчали во все стороны, смутно напоминая солому. Склонив голову набок, существо увлекло Антона во мрак своего дома...

Западно-Сибирское УВДТ разыскивает мужчину, пропавшего в октябре прошлого года

Сотрудники Западно-Сибирского управления внутренних дел на транспорте устанавливают местонахождение без вести пропавшего Антона Викторовича Туманова, родившегося 31 августа 1983 года, проживавшего в Новосибирске.

Как сообщили в пресс-службе Управления внутренних дел на транспорте, последний раз Туманова видели ночью 18 октября 2007 года на остановочной платформе Новосибирск-Главный Западно-Сибирской железной дороги.

Приметы пропавшего: на вид 24–25 лет, рост 175 см, среднего телосложения, волосы темно-русые короткие, лицо овальное. Пропавший был одет в синие джинсы, коричневый свитер и черную кожаную куртку. Обут в демисезонные коричневые ботинки. При себе разыскиваемый имел черную дорожную сумку с переносным компьютером.

Всем, кто знает местонахождение без вести пропавшего, просьба позвонить по телефонам...